
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

РАЗВОДЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

З.З. Мухина

Кафедра гуманитарных наук
Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) НИТУ «МИСиС»
м-н Макаренко, 42, Старый Оскол, Россия, 309516

В статье рассмотрены проблемы разводов в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено историко-этнографическим данным, собранным информаторами Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, выявлению статистики разводов, описанию и анализу причин расторжения браков, представлениям о разводе в крестьянском правосознании, интерпретации исследуемого явления с точки зрения гендерного подхода к истории семьи.

Ключевые слова: русская семья, право, крестьянская женщина, гендер, развод.

Брачные отношения – важнейшая часть жизненного цикла женщины и мужчины в прошлом и настоящем. Из трудов, в которых значительное место отведено разводам, отметим работы дореволюционных юристов: С.В. Пахмана (1), А.З. Соколовского (2), В.И. Добровольского (3), Я.В. Абрамова (4), А.И. Загоровского (5), Я.А. Лудмер (6) и др. Проблеме разводов в традиционном крестьянском обществе уделено внимание в трудах С.С. Крюковой (7), И.Н. Милоголовой (8), О.М. Вербицкой (9), В.Ю. Лещенко (10), Б.Н. Миронова (11), В.Б. Безгина (12) и др.

Как во всякой многоаспектной научной проблеме, не все попало в поле зрения исследователей, и важный вопрос изменений в брачных отношениях русских крестьян в пореформенный период (по сравнению с дореформенным) мало затронут в историографии. Такого рода вопросы ставились в различного рода программах по сбору народных обычаев (13).

Особенно подробной является вторая из указанных программ, составленная М.Н. Харузиным. Такие программы рассылались всем желающим заняться сбором этнографических данных и в статистические комитеты. Но программы носили рекомендательный характер, они не принимались к обязательному исполнению.

Иного рода была деятельность Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, охватившая 23 губернии Европейской России, особенно ее центральные районы, где модернизационные процессы протекали наиболее интенсивно. В.Н. Тенишевым ставилась практическая задача: изучение мировоззрения, поведения, вкусов, нравов, привычек, потребностей самой многочисленной части населения империи – великорусских крестьян.

Деятельность Этнографического бюро имела в определенной степени коммерческий характер, работа корреспондентов хорошо оплачивалась. Не существует другого такого полного и систематического источника информации о всех сторонах жизни русского крестьянства конца XIX – начала XX в., чем материалы архива Этнографического бюро (более 2000 документов: опросы местных жителей, копии решений волостных судов и др.; опросной лист содержал около 500 вопросов по разным сторонам крестьянской жизни).

В данной работе делается попытка в некоторой степени восполнить пробел в изучении проблемы крестьянских разводов в пореформенный период. За основу взяты недавно введенные в оборот материалы архива Этнографического бюро (14). По возможности использованы и другие источники, например, фонды центральных архивов (15), но все они в отношении данной проблемы являются крайне бедными, в них присутствует лишь информация о разводах с разрешения духовной консистории. Это подтверждает и С.В. Пахман, отмечая что имеются «немногие сведения о разводе и фактическом разлучении супругов, какие мы встретили в наших источниках» (16) (1879 г.). Но к началу XX в., если исключить Архив Этнографического бюро, положение мало изменилось.

Обычно принято считать, что в крестьянской среде разводы были очень редким явлением и они практически не оказывали влияние на жизнь деревни. По данным Б.Н. Миронова (17), в 1867–1886 гг. на 1 тыс. чел. населения в целом по России приходилось 0,014 разводов. Отметим, что в таком авторитетном издании, как энциклопедия «Славянские древности» (18), термин «развод» отсутствует в словнике.

До начала XVIII в. разводы не являлись редкостью, существовала большая свобода в расторжении брака по сравнению с XIX в. До 1730 г. для развода достаточно было подать заявление приходскому священнику и получить от него так называемое разводное письмо, но можно было обойтись и без священника (19). К середине XVIII в. после длительной борьбы с язычеством в духовной жизни российского общества стало доминировать христианство, и церковь стала контролировать матримониальные и бракоразводные дела (20). Когда А.С. Пушкин писал в «Евгении Онегине» о Прасковье Ларине: «С суп-

ругом чуть не развелась...»), это следует воспринимать как гиперболу, реальных возможностей для развода в XIX в. в России имелось немного.

В XIX в. происходит усложнение бракоразводной процедуры: уменьшение поводов к разводу, прежде всего – в отношении права на него женщин. В крестьянских семьях, где права женщин были особенно ущемлены, расторжение брака становилось почти невозможным.

Расторжение брака допускалось судом духовным по иску одного из супругов при наличии строго оговоренных условий:

- 1) в случае доказанной неверности (прелюбодеяния) или физической неспособности к браку одного из супругов;
- 2) ссылке одного из супругов с лишением всех прав состояния;
- 3) безвестном отсутствии одного из супругов (21).

Не допускалось самовольное расторжение брака без духовного лица, лишь по одному взаимному согласию супругов. Всем должностным лицам строго запрещалось выдавать какие-либо официальные документы о расторжении брака. Иск о разводе при физической неспособности к браку можно было подавать только через три года после заключения брака (22). Если такая неспособность проявлялась после вступления в брак, то она уже не могла служить основанием для его расторжения (23). При этом требовалось медицинское освидетельствование, которое не допускалось проводить принудительно (24).

Сама процедура развода была весьма длительной и трудной. Так, дело о расторжении брака крестьянки д. Беляевой Царицынской волости (Московский уезд Московской губ.) Гришиной (Удаловой) П.П. с крестьянином той же деревни Гришиным А.Ф. рассматривалось более пяти лет (начато 28 января 1900 г., закрыто 22 февраля 1906 г.) (25). При супружеской неверности епархиальное начальство (консистория) сначала старалось примирить супругов (26). Если это не удавалось, то запускалось дело: вызов свидетелей, приведение их к присяге, допрос, выявление всех обстоятельств и т.п.

Для расторжения брака при безвестном отсутствии одного из супругов устанавливался срок – не менее пяти лет. Известен случай возвращения мужа после семилетнего отсутствия, когда его жена уже вторично вышла замуж (27).

Если делу о разводе давали ход, то рассылали повестки родителям и родственникам супругов, консистория могла сноситься с губернскими правлениями, объявление о начале дела печаталось в «Церковных Ведомостях».

Если еще через год не было никаких известий о пропавшем супруге, можно было просить консисторию продолжить дело и провести развод. Решения духовного суда о расторжении брака подлежали утверждению Синода, но для крестьян было сделано некоторое послабление: дело о разводе при длительном отсутствии одного из супругов передавалось во введение епархиального архиерея и от него исходило разрешение на новый брак (28). Неудивительно, что официальные разводы были весьма редким явлением. Об

этом имеется много свидетельств самих крестьян (29). «Брачных разводов в крестьянском быту не бывает» (30); к разводам «прибегают в весьма редких случаях» (31); «про узаконенный брачный развод в местном крестьянском быту совсем не слышно» (32); «неизвестно за последние 18 лет ни одного случая полного формального развода» (33). К примеру, Московской Духовной консисторией с 1898 по 1906 г. было заведено и рассмотрено всего около 70 дел о расторжении брака крестьян разных губерний (34). Сказанное подтверждается и материалами волостных судов, где среди многих тысяч дел на разводы приходится не более десятка (35).

У крестьян было развито убеждение в том, что разводы – дело весьма дорогостоящее и хлопотное, доступное только богатым. Бедным развестись невозможно или, по крайней мере, очень трудно, поэтому «в крестьянской среде разводов не бывает вовсе» (36).

Вот пример крайне редкого случая, когда развод совершился с разрешения духовной консистории. Причиной развода явилось распутное поведение жены и ее открытое сожителство с другим мужчиной. Ребенок от законного мужа был взят отцом, внебрачные дети остались при матери (37).

Редкость официальных разводов подтверждается материалами переписи 1897 г. Из более чем 1,5 млн населения Владимирской губ. разведенных было 98 мужчин и 172 женщины, это меньше 0,02% (38). Примерно то же самое можно видеть по другим губерниям (39).

По крестьянским представлениям брак считался нерушимым таинством. По Божьему повелению каждый должен был прожить в первом законе (у крестьян «состоять в законе» означало брачный союз). Кто вступал во второй или третий брак, тот много согрешил, и он должен держать ответ на страшном суде (40).

Практическое отсутствие права на развод нашло свое отражение в пословицах и поговорках, которые говорят лишь о нерушимости брака: «Жена не рукавица, с руки не сбросишь», «Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь)» (41); «Повенчался – навек повязался», «Подружки плетут косу на часок, а сваха – на век», «Худой поп свенчает, хорошему не развенчать» (42).

По вопросу о разводе крестьянство могло быть более консервативным, чем церковь. Как уже говорилось выше, при определенных условиях физическую неспособность к браку церковь принимала основанием для его расторжения. Но крестьяне полагали, что и в случае неспособности мужа к брачной жизни жене следует жить с ним: «Судьба ее значит такая, такое уж ее счастье, и нарушать закон из-за этого нельзя» (43).

Ничтожно малое количество официальных разводов (44) объяснялось не только нежеланием крестьян вступать в судебную тяжбу вследствие ее трудности и длительности. Такая, признаваемая законодательством, причина развода, как неверность жены, по крестьянским представлениям, вполне может быть устранена «домашними средствами», совсем необязательно

прибегать к суду. Нередко за меньшие провинности женщина подвергалась жестоким побоям. От обращения в суд удерживала также боязнь огласки, неверность жены была позором для мужа (45). В крестьянской среде даже признавалось право мужа убить свою жену, если он ее застал с посторонним мужчиной: «Ежели муж застанет жену на месте прелюбодеяния и убьет ее, то это будет небольшой грех» (46). Заметим в этом случае противоречие с устоявшимися крестьянскими нормами обычного права, муж мог «учить» жену, но не дозволялось ее калечить и тем более лишать жизни. По рассказам крестьян, в Ростовском уезде Ярославской губ. муж, застав жену с любовником, убил их обоих. За это его даже не отдали под суд, а только отослали в монастырь на полгода замаливать этот «небольшой» грех (47). Другой официально признаваемый фактор, который мог привести к бракоразводному процессу – физическая неспособность одного из супругов к браку – тоже старались не предавать огласке. Если это был муж, жена тайком сообщала об этом только своим родителям, заявить об этом кому-либо из посторонних считалось позором (48).

Главной причиной, толкавшей к разводам, были семейные ссоры и раздоры. Побой мужа, нещадная эксплуатация, конфликтные отношения с родителями и родственниками мужа, гнетущая моральная атмосфера (49) являлись постоянными факторами, ведущих к разладам в семье. «Если молодуха, приведенная в дом, не понравилась родителям и родным мужа, если притом в семье есть несколько женатых братьев, то жизнь молодой женщины становится положительно невыносимой. Постоянные наветы и наговоры мужу со стороны свекрови и золовок – явление в данном случае обычное. Каждый шаг, каждое слово, каждая невинная шутка молодой женщины передаются, извращаются, переиначиваются, и дело доходит до того, что муж, женившийся по любви, решает поучить свою жену, то есть поколотить. Молодая женщина, получив ничем не заслуженные побои, считает себя обиженной до глубины души и между супругами начинается разлад» (50), – сообщает корреспондент из Ярославской губ. Золовки и снохи почти всегда враги, редкая сноха похвалит золовку (51).

Женщина стояла перед дилеммой: остаться в семье и терпеть побои и унижения или уйти? Она с молоком матери впитала в себя мысль о необходимости подчинения мужу. Самовольный уход жены от мужа к родителям воспринимался в крестьянском обществе неодобрительно, при этом обычно обвиняли жену, а не мужа: «Характерна, стало быть, очень, что не может ужиться с мужем» (52). Возвращение в дом родителей считалось «посрамлением» семьи мужа, и этого всячески старались избежать. Муж имел право требовать ушедшую жену обратно, ее называли «беглой», это становилось постоянной инвективой (53). Для возвращения ушедшей жены мужья прибегали даже к насилию (54).

Но были случаи и совершенно другого характера: если жена от нестерпимой жизни уходила от мужа, к ней относились с сочувствием и одобряли родителей, приютивших несчастную дочь (55).

Все же и во второй половине XIX в. патриархальный уклад в значительной степени продолжал удерживать свои позиции, и во многих семьях женщины сносили побои и унижения (56). Имеются свидетельства, что начало раздора могла положить открывшаяся нецеломудренность невесты, и это на долгое время становилось причиной издевательств и упреков со стороны мужа (57). Но строгие нравы далеко не везде были характерны для русской деревни, а в пореформенный период внебрачные связи получили еще большее распространение, к ним стали относиться с большей терпимостью (58).

Процессы модернизации стимулировали формирование нового самосознания в крестьянской среде, в том числе и у женщин. Косвенным свидетельством этого стали участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды на оскорбления и побои мужей (59). Жену, ушедшую к родителям из-за издевательств мужа, далеко не всегда удавалось вернуть назад (60).

Начал меняться сам дух патриархальной семьи. Раньше иные старики любили похвастать: «Меня жена боялась, как огня! Взгляду боялась; бывало, места не найдет, как крикну». Старые женщины возводили в добродетель рабскую покорность мужу, свекру и свекрови. Нередко можно было встретить мужей «с тяжелой рукой, вогнавших в гроб свою жену». Теперь свекор или свекровь, тронувшие сноху, рисковали быть побитыми сыном или снохой, таких фактов имелось много. И мужья стали вести себя иначе. Женщины говорили: «Не те времена, чтобы нас бить! Ударят меня – и часу не стану жить с разбойником, уйду: нынче везде жить можно» (61).

К концу XIX в. в общественном сознании прочно утвердилось убеждение об анахронизме существовавшего положения о разводах. Юристы и публицисты прямо ставили вопрос о необходимости передачи бракоразводных дел в введение гражданских судов (62). Власти опасались радикализации проводимых реформ, резкого ухудшения экономической ситуации, поэтому их действия были непоследовательными, что нашло свое отражение в стремлении сохранить оплот прежнего уклада жизни – патриархальную семью. В данном вопросе постоянным союзником властей выступала церковь. Но жизнь рассудила по-своему, не дожидаясь решения об упрощении бракоразводных процессов, когда супруги стали расходиться фактически и начинали жить отдельно. Они расходились или по взаимному согласию, или один из супругов бросал другого.

Если традиционно женщина как личность была растворена в семье, то в пореформенный период с развитием индивидуализма стала намечаться тенденция доминирования личности над семьей. Не только участились разводы, когда из большой патриархальной семьи выделялись малые семьи, но и подрывалась сама семья – один из главных институтов традиционного уклада жизни, вследствие чего значительно ослаблялась такая ее функция, как организующий фактор для всех ее членов. Старшее поколение сокрушалось, что семья утрачивала патриархальную простоту, происходил упадок семейных основ, начинали доминировать своеволие и разнузданность: «Ни Бога не бо-

ятся, ни людей не стыдятся» (63). Крестьяне говорили, что разлад поселяется от сатаны, нечистый дух радуется, когда между близкими раздор идет (64).

В пореформенный период усугублялись прежние и расширялся круг новых факторов, которые подвигали супругов к раздельной жизни. Часто разлад в семье возникал из-за бедности, жена укоряла мужа в лени, неумении вести дела, расстройстве хозяйства, расточительности. Жена называла мужа «нищим», что считалось особенно обидным, а муж ее – «шлюхой», обвинял, что она вышла замуж, не умея работать (65). Принимавшиеся постановления о возврате жены мужу далеко не всегда имели реальную силу (66). Если мужья грозили собравшимся уйти женам: «А я тебя по этапу вытребую», то в ответ слышали: «Требууй, только меня приведут, а я опять уйду. Наскучит водить» (67).

К разладу в семье вели и некоторые качества самих женщин. Рост женского самосознания способствовал тому, что среди части женщин возникало желание самим главенствовать в семье (68). Иная молодая жена, придя после свадьбы в семью мужа, не имела желаний приспособливаться к взглядам и порядкам новой семьи и хотела поставить все по-своему. Известны случаи нанесения снохой побоев свекру и свекрови, что считалось очень обидным (69). «Бывало, что сноха не только «не поважает» свекрови, но просто «на ножах» режется с нею, – сообщает корреспондент Этнографического бюро из Псковской губ. – Нередко причинами «неладов» бывает пьянство мужа, жестокое обращение его с женой, побои, но иногда просто капризы, взбалмошность женщины, не желающей уважать и слушаться мужа» (70).

Чертой пореформенного времени стало расставание супругов, если помимо его или ее воли родители выдали за нелюбимую (нелюбимого) (71). Несмотря на крайне незначительное число официальных разводов, фактические разводы получили широкое распространение.

На сложившуюся ситуацию были вынуждены отреагировать и власти. Было принято Положение от 3 июня 1894 г. «О видах на жительство» (Устав о паспортах), в который была включена ст. 19 о возможности выдачи волостным правлением отдельного вида на жительство жене, даже при возражении мужа (72).

Уже говорилось, что развод был возможен только по решению духовной консистории. Вот пример другого ряда из Екатеринославской губ. В окружной суд был представлен договор о разводе по обоюдному согласию. Мотив – болезнь жены. Этот документ за подписью волостного старшины и писаря с приложением казенной печати был представлен на утверждение окружного суда (73). Волостные суды не рассматривали дела о разводах, только выдавали отдельный вид на жительство (паспорта). Времена менялись, это был уже 1906 г., кроме того, в Екатеринославской губ., где нормы права могли отличаться от Центральной России. Сам факт публикации этого сообщения в этнографическом журнале свидетельствует об экстраординарности таких случаев. Подобное превышение власти волостными судами, выносившими

«решения о разводе супругов», было ранее зафиксировано в Ярославской губ. Однако С.В. Пахман считал такие случаи сомнительными (74).

Главным фактором, ведущим к ослаблению семейных связей и к раздельной жизни супругов, были отхожие промыслы, которые достигли огромных масштабов в Санкт-Петербургской губернии, в губерниях Центрального промышленного района и примыкавших к ним. Нередко отходники бросали свои семьи и заводили в городах новые. Другие оставляли свои семьи без всякой поддержки, нередко спивались, их хозяйство приходило в совершенный упадок. Оставленная жена возвращалась к родителям или нанималась в работницы (75). К ссорам и разладам приводила и такая черта патриархального уклада, как обязательное требование отдавать главе семьи все заработанное до копейки, из-за чего сын-отходник совсем бросал семью и дом (76).

Среди крестьянских женщин было распространено убеждение, что волостной суд может дать развод, как только они этого захотят, имея в виду упомянутую выше ст. 19 из Положения «О видах на жительство». Волостные суды не принимали просьб о разводе, они могли только выдать каждому из супругов отдельный вид на жительство. О решениях волостных судов в случае жалоб жен имеются противоречивые свидетельства. Суды нередко становились на сторону мужей: «Ведь ты не захворала, он тебя не изувечил. Так, стало быть, и терпи, муж имеет полное право учить свою жену» (77); за уход жены от мужа она была наказана 20 ударами розог (1863 г.); другая жена за ту же провинность получила 7 суток ареста на хлебе и воде (1866 г.) (78). На сторону мужа становился и крестьянский сход. Например, когда муж пожаловался сходу на жену, что она его ненавидит, то сход присудил выпороть жену среди деревни, что и было исполнено (Калужская губ.) (79). В то же время были свидетельства и другого рода: в 1860–1870-е гг. суды наказывали мужей по жалобам жен (80) или выносили решения о наказании мужа и жены одновременно (81). Чаще всего были телесные наказания, считавшиеся позорящимися и самыми суровыми. Но в пореформенный период к женщинам позорящие наказания почти не применяли.

В конце XIX – начале XX в. женщины имели больше реальных прав по сравнению с дореформенным периодом. Известны лишь единичные случаи, когда духовная консистория удовлетворяла иски крестьянок о разводе (82). Волостные суды осуждали мужей не только за побои, но и оскорбления жен словами, расточительство, пьянство (83) и т.д. Если муж был «пьяница», распутничал, разорял хозяйство, то сама община становилась на сторону жены, мужа могли устранить от главенства в доме (лишить «большины»), передав его жене или кому-либо из младших членов семьи (84), или община с такой просьбой обращалась к суду (85).

Трудности в получении официального развода иногда приводили к крайностям. Среди тяжких женских преступлений убийство мужа шло на втором месте после детоубийства (86). Конечно, мотивы убийства мужа могли быть корыстные, но имеются свидетельства, что чаще женщины не

видели другого средства для избавления от нелюбимого или жестокого мужа (87). Распространенным средством убийства мужей было отравление мышьяком (88). Все эти случаи являлись тяжкими уголовными преступлениями, но не всегда крестьянское общество их резко осуждало. Считалось, что у жены не было другого выхода (89).

Препятствия, возводимые церковью и властями при официальной процедуре развода, не могли сдерживать распады семей, резко участвовавшие в пореформенный период. Хотя считалось, что супруги продолжали официально находиться в браке, они жили раздельно, в фактическом разводе. Попробуем оценить масштаб явления. По данным переписи 1897 г., в Санкт-Петербурге среди крестьянского населения число мужчин почти на 139 тыс. превышало число женщин (90). Часть этих мужчин были женатыми, но, по данным С.Н. Прокоповича, семейных было немного, поскольку при зарплате меньше 400 р. содержать семью было практически невозможно, а средний заработок составлял около 300 руб. (91). Причем из них более трети одиноких и более половины семейных мужчин утратили всякую связь с деревней (92).

В Москве среди крестьянского населения число мужчин превышало число женщин почти на 150 тыс. (93). Здесь не учтен тот фактор, что после фактического развода женщины из губерний Центрального промышленного района (например, из Калужской губ.) тоже отправлялись в Москву и устраивались работницами на фабрики, кухарками, горничными и т.д., редко заводя новую семью (94).

С учетом вышеприведенных данных эта разность должна еще больше возрасти. Видимо, одиноких крестьян, работавших в городе и утративших связи с деревней, и можно отнести к фактически разведенным. По самым грубым оценкам, таких было десятки тысяч (а то и более) по двум столичным городам, что как минимум в десятки раз превосходило число официально разведенных. Полагаю, что это была только верхушка айсберга, реальные масштабы явления были куда значительнее.

Имеются свидетельства, что во многих деревнях все здоровые мужчины уходили на заработки, так что оставшимся женщинам и изменить мужу было не с кем (Ярославская губ.) (95), многие из отходников уже не возвращались в свои семьи.

При подаче просьб в волостные суды о разводе там их не принимали, поскольку дела о разводах не входили в их функцию (96). Не имея права проведения официального развода, волостные суды часто совершали разводы фактически – выдачей супругам отдельного вида на жительство (паспорта). Сначала крестьянский сход и волостной суд призывал решивших разойтись супругов к примирению. Если это не удавалось, суд мог выдать отдельный вид на жительство. «Когда жена не хочет жить с мужем, суд делает увещание, но никаких других мер не принимает, да и принять не может: насильно жить никого не заставишь» (97).

Дети при этом по решению суда оставались с тем из родителей, кто мог лучше их воспитать (98), но нередко детей забирала мать и растила их одна (99). По некоторым местным обычаям, мальчики оставались с матерью, девочек забирал отец, так как в этом случае жена получала на сыновей земельный надел, что давало средства к существованию, а, оставшись с девочками, она лишалась возможности прокормить себя и дочерей (100).

Если супруги расходились по взаимному согласию, жена получала паспорт с разрешения мужа. Но суд мог его дать и без согласия мужа при невозможности их примирить. Жена могла уйти и без паспорта, т.к. он не требовался, если она устраивалась где-нибудь поблизости в своем уезде.

Разлады в семье встречали неоднозначное отношение в крестьянском сообществе (101). Даже в одной и той же деревне при уходе жены к родителям или ее выезде с паспортом одни были на стороне мужа, другие – сочувствовали жене (102). При серьезных разладах вызывали неодобрение обе стороны: и муж, и жена (103). Крестьяне говорили, что, если муж и жена расходятся по неволе (брань, драки и т.п.), то это еще простительно, но при разводе по доброй воле, по взаимному согласию, они нарушают Божий закон и грешат вдвойне (104).

Крестьянское общество никогда не отличалось пуританством, а в пореформенный период нравы стали еще более свободными (105). Супружеская неверность (106) и разлады в семье находились между собой в сложном взаимодействии, подпитывая и усиливая друг друга. При раздельной жизни обычно еще не старые супруги вступали в новые связи и на это смотрели снисходительно, считая, что они вызваны необходимостью (107).

В отношении внебрачных связей явно проступала гендерная направленность. Если муж заводил любовницу, не только находясь на заработках, но и дома, то к этому относились более терпимо, чем когда то же самое позволяла себе жена или только подозревалась в этом (108).

В случае неверности жены дело заканчивалось жестокими побоями или, нередко, полным разрывом, жена изгонялась из дома, муж отказывал ей в содержании и суд не вступал в ее защиту (109).

У фактических разводов имелась еще одна сторона. Супруги чаще всего расходились, будучи в молодом или средних лет возрасте, когда каждый мог заработать себе на жизнь. С возрастом, когда силы начинали ослабевать, жены вынуждены были снова возвращаться к своим мужьям (110). Как уже говорилось, половое бессилие мужа очень часто не служило основанием для официального развода. Но в пореформенный период неспособность к супружеской жизни стала одним из факторов, который приводил к фактическому разводу (111), и обычно не осуждалась крестьянским обществом (112).

На анализе крестьянских разводов в центральных губерниях России в данной работе показано, как модернизационные процессы пореформенного периода воздействовали на изменение патриархальной семьи – основы традиционного крестьянского социума.

Жесткая регламентация семейных отношений в большей степени затрагивала женщин, чем мужчин, женщина была растворена в семье и у нее были очень ограниченные возможности для реализации себя как личности. Ослабление в пореформенный период традиционных уз брака и семьи пагубно воздействовало на экономическое положение крестьянских хозяйств, увеличивалось число обездоленных и бесприютных. С другой стороны, относительная свобода, когда над женщиной не довлела власть свекра и мужа, способствовала рождению нового самосознания, самоутверждения женщин.

Крайне болезненные процессы обновления всех сторон жизни проявлялись и в фактических разводах, которые, в условиях жестких причинно-следственных связей, характерных для традиционного общества, воздействовали на экономические, социальные, культурные аспекты жизни женщины.

Затянувшееся обновление проведения бракоразводных дел, которое находилось в явном противоречии с духом времени, так и не получило своего разрешения в царской России. Возможно, здесь, как и во многих других проблемах, помешала начавшаяся Первая мировая война. Лишь после 1917 г. дела о разводе полностью перешли в компетенцию гражданских судов. Равноправие женщин с мужчинами во многом было просто декларацией при новом строе. Однако что касается разводов, это являлось реально приобретенным правом женщин (113).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. – СПб., 1879. – Т. 2: Семейные права, наследство и опека.
- (2) *Соколовский А.З.* О расторжении брака (развод). – СПб., 1889.
- (3) *Добровольский В.И.* Брак и развод. – СПб., 1903.
- (4) *Абрамов Я.В.* Развод. – СПб., 1900.
- (5) *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву: Исследования бракоразводного права в России (от эпохи древних славян до второй половины XIX века). – 2-е изд. – М., 2012.
- (6) *Лудмер Я.А.* Бабы стоны (Из записок мирового судьи) // Юридический вестник. – 1884. – № 11. – С. 446–467.
- (7) *Крюкова С.С.* Брачные традиции южнорусских губерний во второй половине XIX в. // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 4. – С. 41–50; *Крюкова С.С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. – М., 1994.
- (8) *Милогорова И.Н.* Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. – Сер. 8. История. – 1998. – № 2. – С. 61–76.
- (9) *Вербицкая О.М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). – М.; Тула, 2009.
- (10) *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI–XIX вв.). – СПб., 2004.
- (11) *Мионов Б.Н.* Социальная история России: В 2 т. – СПб., 2000. – Т. 1.
- (12) *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). – М.; Тамбов, 2001.
- (13) Программа для собирания народных юридических обычаев // Сборник народных

- юридических обычаев. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 353; Программа для собирания сведений об юридических обычаях. – М., 1887. – С. 23.
- (14) Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (далее РКЖБН). – СПб., 2004. – Т. 1: Костромская и Тверская губернии; РКЖБН. – СПб., 2006. – Т. 2: Ярославская губ. – Ч. 1: Пошехонский уезд; РКЖБН. – СПб., 2006. – Т. 2: Ярославская губ. – Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды; РКЖБН. – СПб., 2005. – Т. 3: Калужская губ.; РКЖБН. – СПб., 2006. – Т. 4: Нижегородская губ.; РКЖБН. – СПб., 2007. – Т. 5: Вологодская губ. – Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды; РКЖБН. – СПб., 2007. – Т. 5: Вологодская губ. – Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды; РКЖБН. – СПб., 2007. – Т. 5: Вологодская губ. – Ч. 4: Тотемский уезд; РКЖБН. – СПб., 2008. – Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии.
- (15) Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 1, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 23, 25–27, 31, 32, 35, 36, 40, 41, 44, 45, 47, 50–52, 54–59, 61, 63, 65, 68, 70, 71, 73, 74; РГИА. – Ф. 796. – Оп. 151. – Д. 375, 376, 414, 457, 474, 499; Ф. 796. – Оп. 199 (I стол, IV отд.). – Д. 6, 14, 15, 17–19, 21, 30, 33.
- (16) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 135.
- (17) *Миронов Б.Н.* Социальная история России... – С. 176.
- (18) Славянские древности. – М., 1995–2009. – Т. 1–4.
- (19) *Миронов Б.Н.* Социальная история России... – С. 174; *Шашков С.С.* История русской женщины. – 3-е изд. – М., 2011. – С. 199–201.
- (20) *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М., 1981. – С. 528, 597, 605–606; *Миронов Б.Н.* Социальная история России... – С. 175.
- (21) *Соколовский А.З.* О расторжении брака... – С. 15–16; *Абрамов Я.В.* Развод... – С. 18–19; *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву... – С. 429–442.
- (22) Свод законов Российской империи. – СПб., 1887. – Т. X. – Ч. 1. – Ст. 45.
- (23) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 1. – Л. 1–99; РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 464.
- (24) *Абрамов Я.В.* Развод... – С. 3, 24–25.
- (25) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 1.
- (26) Там же. – Д. 38, 46, 49, 66.
- (27) РКЖБН. – Т. 5.2. – С. 711.
- (28) *Абрамов Я.В.* Развод... – С. 19, 21, 23, 28–30.
- (29) См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб., 1874. – Т. 3: Ярославская, Костромская губ. и Семеновский уезд Нижегородской губ. – С. 219, 233.
- (30) РКЖБН. – Т. 1. – С. 477.
- (31) РКЖБН. – Т. 3. – С. 327
- (32) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 375.
- (33) РКЖБН. – Т. 6. – С. 373.
- (34) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 1–74.
- (35) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 134–135; *Племянников В.П.* Указатель решениям волостных судов // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. – М., 1891. – Вып. III. – С. 1–16.
- (36) РКЖБН. – Т. 4. – С. 153.
- (37) РКЖБН. – Т. 5.2. – С. 374.
- (38) Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904. – VI: Владимирская губерния. – Тетр. II. – С. VI.

- (39) См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904. – Л: Ярославская губерния. – С. VIII; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXIX. Орловская губерния. – С. IX; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; IX: Воронежская губерния. – Тетр. II. – С. V.
- (40) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 360.
- (41) Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. – М., 1984. – Т. 1. – С. 287, 290.
- (42) Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. – Киев, 1904. – С. 160–161.
- (43) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 376.
- (44) См.: Бечаснов П. Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867–1886 гг. (по епархиям Европейской России). – СПб., 1893. – С. 13–17.
- (45) РКЖБН. – Т. 1. – С. 217; Т. 2.1. – С. 463; Т. 3. – С. 317; Т. 4. – С. 148–149; Т. 5.4. – С. 229; Т. 6. – С. 245, 373, 419.
- (46) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 375.
- (47) Там же.
- (48) Там же. – С. 376.
- (49) РГИА. – Ф. 796. – Оп. 151. (I стол, IV отд.). – Д. 414. – Л. 1-6; ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 18. – Л. 5 об.
- (50) РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 464.
- (51) РКЖБН. – Т. 3. – С. 549.
- (52) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 365.
- (53) РКЖБН. – Т. 5.4. – С. 221, 229.
- (54) РКЖБН. – Т. 3. – С. 326.
- (55) Там же. – С. 318.
- (56) РКЖБН. – Т. 1. – С. 471; Т. 2.1. – С. 458; Т. 3. – С. 316; Т. 4. – С. 148; Т. 5.1. – С. 359; Т. 6. – С. 245, 365, 449.
- (57) Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание мат-лов этнограф. Бюро ин. В. Тенишева. – СПб., 1993. – С. 261; РКЖБН. – Т. 5.4. – С. 211; Т. 6. – С. 364, 418.
- (58) Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (о девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 3. – С. 61.
- (59) РКЖБН. – Т. 5.2. – С. 794–821; Т. 6. – С. 98–132.
- (60) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 13; РКЖБН. – Т. 1. – С. 216, 217; Т. 5.4. – С. 211.
- (61) РКЖБН. – Т. 3. – С. 550.
- (62) Добровольский В.И. Брак и развод. СПб., 1903. – С. 205–210; Розанов В.В. Семейный вопрос в России. – М., 2004. – С. 539–558.
- (63) РКЖБН. – Т. 6. – С. 244.
- (64) РКЖБН. – Т. 3. – С. 471.
- (65) РКЖБН. – Т. 1. – С. 470; Т. 2.1. – С. 464, 500; Т. 2.2. – С. 361, 374; Т. 5.4. – С. 229.
- (66) РКЖБН. – Т. 1. – С. 217, 471.
- (67) РКЖБН. – Т. 5.2. – С. 710.
- (68) РКЖБН. – Т. 1. – С. 470; Т. 2.1. – С. 464, 498.
- (69) РКЖБН. – Т. 5.2. – С. 373, 710.
- (70) РКЖБН. – Т. 6. – С. 244.
- (71) РКЖБН. – Т. 3. – С. 552; Т. 5.2. – С. 358; Т. 6. – С. 359.
- (72) РГИА. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 12590. – Л. 1–2; Д. 14033. – Л. 1011; РКЖБН. – Т. 3. – С. 616. – Комментарии.

- (73) Развод по обоюдному согласию // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 14.
- (74) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 134.
- (75) Быт великорусских крестьян... – С. 262; РКЖБН. – Т. 1. – С. 216, 472; Т. 2.2. – С. 362; Т. 3. – С. 317; Т. 4. – С. 151; Т. 5.4. – С. 230; Т. 6. – С. 69, 227, 373, 420.
- (76) Быт великорусских крестьян... – С. 261.
- (77) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 364.
- (78) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 388.
- (79) РКЖБН – Т. 3. – С. 91.
- (80) Труды комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб., 1873. – Т. 1 (Тамбовская губ. и Ранenburgская волость Рязанской губ). – С. 819; *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 389.
- (81) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 390.
- (82) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 18. – Л. 1.
- (83) РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 461; Т. 5.2. – С. 794–821; Т. 5.4. – С. 330; Т. 6. – С. 101–132.
- (84) РКЖБН. – Т. 4. – С. 157; Т. 5.2. – С. 97.
- (85) РКЖБН. – Т. 3. – С. 318.
- (86) Статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1874. – С. 316.
- (87) РКЖБН. – Т. 3. – С. 327, 554.
- (88) РКЖБН. – Т. 4. – С. 156.
- (89) РКЖБН. – Т. 3. – С. 554, 327; Т. 4. – С. 156; Т. 5.3. – С. 303–304.
- (90) Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1898. – Вып. 3: Население городов Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы. – С. 13.
- (91) Цит. по: *Кравченко С.А., Кравченко А.И.* Антология социально-экономической мысли в России. – СПб., 2000. – С. 12–14.
- (92) Там же. – С. 46.
- (93) Первая Всеобщая перепись. Население Санкт-Петербурга, Москвы... – С. 21.
- (94) РКЖБН. – Т. 3. – С. 554.
- (95) РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 462.
- (96) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России... – С. 133.
- (97) РКЖБН. – Т. 1. – С. 217.
- (98) Там же. – С. 477.
- (99) РКЖБН. – Т. 1. – С. 477; Т. 2.1. – С. 499; Т. 3. – С. 318; Т. 6. – С. 372.
- (100) РКЖБН. – Т. 4. – С. 154.
- (101) Быт великорусских крестьян... – С. 263; РКЖБН. – Т. 6. – С. 365.
- (102) РКЖБН. – Т. 1. – С. 472.
- (103) РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 465.
- (104) РКЖБН. – Т. 2.2. – С. 375.
- (105) См.: *Мухина З.З.* «Девка на поре, не удержишь на дворе...»... – С. 60.
- (106) См.: РГИА. – Ф. 796. – Оп. 152 (I стол, IV отд.). – Д. 526. – Л. 4; Д. 435. – Л. 1-3; Ф. 796. – Оп. 163. (I стол, IV отд.), Д. 1819; Ф. 796. – Оп. 199 (II стол, IV отд.). – Д. 6, 7, 16-18, 20, 26–28, 33.
- (107) РКЖБН. – Т. 2.1. – С. 477; Т. 3. – С. 326–330; Т. 4. – С. 235; Т. 5.4. – С. 230; Т. 6. – С. 365, 420.
- (108) РКЖБН. – Т. 3. – С. 325–326; Т. 4. – С. 236; Т. 5.2. – С. 710.
- (109) РКЖБН. – Т. 1. – С. 472, 478; Т. 2.2. – С. 197; Т. 3. – С. 328, 551; Т. 5.2. – С. 710; Т. 5.4. – С. 212.

- (110) РКЖБН. – Т. 3. – С. 327–328.
(111) ЦИАМ. – Ф. 203. – Оп. 412. – Д. 18.
(112) РКЖБН. – Т. 3. – С. 328,551; Т. 4. – С. 155; Т. 6. – С. 364.
(113) *Калыгина А.С.* Крестьянка в браке и семье. – М., 1925. – С. 20.

**DIVORCES IN THE RUSSIAN PEASANT FAMILY:
TRADITIONS AND THE REALITIES OF POST-REFORM PERIOD:
GENDER DIMENSION**

Z.Z. Mukhina

Department of Humanities
Sary Oskol Technological Institute (branch) NITU MISiS
Distr. Makarenko, 42, Sary Oskol, Russia, 309516

The paper considers the problem of divorce among the peasants in the second half of 19 – early 20 century. Particular attention is paid to historical and ethnographic data collected by the informants of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev, revealing statistics of divorce, description and analysis of the causes of divorce, views on divorce in peasant legal consciousness, the interpretation of the phenomenon in terms of gender-based approach to family history.

Key words: Russian family, law, peasant woman, gender, divorce.